ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РКВМФ

БАТАРЕЯ ГЕРОЕВ

ВОЕНМОРИЗДАТ
1942

Смерть немецким оккупантам!

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РКВМФ

Батарея героев

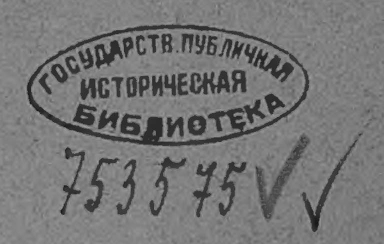
ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ

МОСКВА — 1942

Метро

Редактор бригадный комиссар
П. Мусьяков
Подписано в печать 8/VIII 1942.
ГМ 31 882. Печ. л. 1½. Печ зн. в 1 п. л.
61.052. Уч.-авт. л. 1,43. Зак. 1340.

Ф-ка юношеской книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

В этой брошюре мы рассказываем о славных делах одной зенитной батареи, дравшейся на подступах к Севастополю.

Незабываемой страницей войдут в историю славные дела защитников Севастополя. Севастопольцы — это символ мужества и несгибаемой стойкости в бою. А военные моряки гвардейской зенитной батареи командиров Воробьева и Пьянзина, о которой здесь рассказывается, олицетворяют собою все то лучшее, что присуще защитникам Севастополя.

Где источники той моральной стойкости, той боевой силы и упорства, которые проявили люди гвардейской батареи?

Товарищ Сталин в приказе № 55 от 23 февраля 1942 года писал: «...любой боец Красной Армии может с гордостью сказать, что он ведет войну справедливую, освободительную, войну за свободу и независимость своего отечества. У Красной Армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая ее на подвиги. Этим собственно и объясняется, что отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь, готовых итти на смерть ради свободы своей родины».

Вот где источники героизма и стойкости советского воина в бою! Но для того, чтобы сознание возвышенных целей войны окрепло у каждого бойца и превратилось в неодолимую боевую силу, необходимо проводить систематическую целеустремленную работу по воспитанию личного состава.

Практика партийно-политической работы на гвардейской батарее показывает, что комиссары батареи тт. Донюшкин, а после ухода его — Уваров правильно понимали свои задачи. Политическая работа здесь всегда была направлена на обеспечение первостепенных боевых задач батареи.

Когда в конце ноября 1941 года было опубликовано решение о преобразовании некоторых армейских частей и соединений в гвардейские, комиссар батареи т. Донюшкин поставил этот вопрос на специальном партийном собрании. Он рассказал о значении гвардейских частей и призвал коммунистов драться так, чтобы и их батарея стала гвардейской. Драться по-гвардейски — это значит быть примером стойкости, мужества в бою. И коммунисты ответили на призыв комиссара конкретными делами, личным примером они увлекли на героические дела всех краснофлотцев — и батарея впоследствии стала действительно гвардейской.

Когда в решающие дни второго штурма Севастополя стало ясно, что враг готовит особенно ожесточенный удар по батарее, а сил на ее подкрепление почти не было, туда приехал комиссар дивизиона т. Баракин. Вместе с комиссаром батареи т. Донюшкиным они провели партийное и комсомольское собрания с докладами о задачах личного состава в предстоящих боях за батарею. Собрания проходили одновременно, но в разных землянках. На партийном — докладывал комиссар батареи т. Донюшкин, на комсомольском — командир батареи т. Воробьев. Повестка дня этих коротких собраний была сформулирована так: «Отстоять занимаемую высоту, не дать возможности фашистским бандитам прорваться к Севастополю». Коммунисты и комсомольцы батареи заявили: «Будем драться до последней капли крови. Задачи, которые на нас возлагает партия, мы выполним с честью. Будем личным примером вдохновлять краснофлотцев, показывать им, как надо драться в бою».

Ближайшие часы и дни показали, что коммунисты

и комсомольцы батареи действительно явили пример выдержки, стойкости и умения разить врага.

Партийно-политическая работа на батарее проводилась непрерывно, несмотря ни на какие трудности. Даже в недолгие минуты затишья между ожесточенными боями с наступающим противником 9 июня 1942 года, во время третьего штурма Севастополя, комиссар батареи т. Уваров сумел провести открытое партийное собрание, на котором присутствовали только делегаты от некоторых дзотов и орудийных расчетов. Положение было таково, что пушки и огневые точки должны были находиться в мгновенной боевой готовности и людям уходить на собрание было нельзя. После собрания делегаты возвратились на боевые посты и рассказали о задачах, поставленных перед личным составом батареи. А задачи были очень кратки: ни шагу назад! Родина требует стоять на-смерть!

Прошли первые дни боев за батарею во время третьего штурма. В этих боях исключительный героизм показали зенитчики Данич, Шкода, Стрельцов, Гончаров. Комиссар батареи, не имея возможности собирать людей на политические информации или на митинги, вместе с секретарем партийной организации обошел все посты, дзоты, огневые точки и рассказал о героических подвигах передовых людей батареи.

Во время третьего наступления на Севастополь, когда враг готовился к решающему штурму высоты, занимаемой батареей, туда, как и в декабре, приехал комиссар дивизиона т. Донюшкин. Надо было прямо сказать защитникам батареи о предстоящих трудностях, надо было вдохновить их на преодоление этих трудностей. И накануне решительного боя, вечером 12 июня, снова были проведены собрания коммунистов и комсомольцев. Так же как и в декабре, комиссары разъяснили положение, не скрывая от бойцов ничего. Комиссар Донюшкин сказал: «Положение наше тяжелое. Каждую минуту в глаза нам заглядывает смерть. Но кто из нас испугается ее, если родина тре-

бует оборонять родной Севастополь до конца? Мы не должны уступить врагу ни одной пяди нашей земли без упорной, стойкой борьбы, хотя бы это стоило каждому из нас жизни. Умрем, товарищи, но не отступим».

Свои мысли коммунисты и комсомольцы батареи выразили в известной клятве, написанной ими на портрете товарища Сталина. «Враг рвется к родному городу. Ни шагу назад! Клянемся тебе, Родина, тебе, народ-богатырь, тебе, великий Сталин, лечь костьми на поле брани, но не посрамить знамя Советов».

Эта клятва была по существу партийным решением собрания, под этим решением-клятвой подписались все защитники батареи. И когда на утро около тысячи фашистов, поддержанных танками, двинулись на высоту, занимаемую батареей, ее защитники с честью выполнили клятву, данную товарищу Сталину. Они пали в бою почти все, но какой дорогой ценой досталась немцам эта победа! На каждого погибшего бойца батареи приходилось не менее десяти убитых немцев. Врагу, прошедшему через кучу своих трупов на высоту, досталась не зенитная батарея, а груды камня, щебня, взорванной и закопченной земли.

Так дрались зенитчики-гвардейцы, защищая каждый клочок советской земли. Они победили врага стойкостью, мужеством, военным мастерством, и в этой победе большую роль сыграла умело организованная политическая работа, направленная на обеспечение конкретных боевых задач батареи.

БАТАРЕЯ ГЕРОЕВ

Высота, занимаемая огневой позицией зенитной батареи, господствовала над северной стороной Севастополя. С высоты был виден город, большой рейд, Братское кладбище, холмы над долиной реки Бельбек и станция Мекензиевы горы. На эту высоту немцы зарились еще во время первого штурма Севастополя в ноябре 1941 года. Враги знали, что на вершине пологого холма стоит 365 зенитная батарея, ибо трудно скрыть этот вид постоянно действующего оружия. Поэтому так густо клали «Юнкерсы» бомбы по склонам высоты, а «Мессершмитты» не раз пытались пикировать на батарею. Метким огнем зенитчики сбивали вражеские самолеты, нарушали их боевой курс, заставляя швырять бомбы на свалку, что прилегала к подошве холма. Много бомб потратили немцы на подавление батареи, не один их самолет грохнулся на землю вокруг холма, но длинные стволы пушек продолжали так же методически точно посылать снаряды и по вра-

жеским самолетам и по дальним наземным целям.

Во время первого штурма Севастополя батарея командира Воробьева била по скоплениям вражеских войск. Корректировщики доносили, что снаряды зенитчиков метко ложатся по наземным целям. Так, огнем батареи была разгромлена автоколонна немцев, застигнутая огневым шквалом на перекрестке железной и шоссейной дорог.

Второй штурм Севастополя начался 17 декабря 1941 года. С первых же дней штурма батарея оказалась близко к переднему краю обороны. На орудийный дворик стали частенько залетать мины даже мелких калибров. Немецкие окопы были видны уже простым глазом. Фашисты, понимая значение высоты, прилагали все силы к тому, чтобы захватить ее еще в первые дни штурма. Снова по батарее били тяжелые орудия и минометы. Зенитчики не оставались в долгу. На боевом счету батареи появились подавленные минометные батареи и подбитый танк.

Боевые дни батареи в течение второй половины декабря протекали в непрерывных огневых схватках. Утром — артиллерийский поединок и удары по минометным точкам врага. Днем — стрельба по самолетам, а к вечеру — сокрушительные удары прямой наводкой по

Командир батареи Герой Советского Союза старший лейтенант Н. Воробьев

фашистской пехоте. Ночью — подвоз боезапаса, продуктов, воды. А утром — снова бой.

30 декабря линия фронта продвинулась еще ближе к позиции батареи. Выносные наблюдательные посты уже вели перестрелку с автоматчиками врага. Немцы решили покончить с батареей, смести ее и, заняв высоту, повести наступление на город. Карты, взятые краснофлотцами в сумках убитых офицеров, были прочерчены синими пунктирами, сходящимися с разных сторон на высоте, занимаемой батареей Воробьева. Немцы тщательно готовились к штурму батареи. Они привели для этого пехотный батальон полного состава, сильную группу автоматчиков-головорезов и пять танков. Все эти силы должны были рано утром 31 декабря броситься на высоту, смять ее защитников и окопаться. Такова была задача немцев.

Разбить врага на подступах к батарее, а если фашисты и прорвутся к орудиям, то драться ручным оружием, гранатами до последней капли крови, до последнего патрона, но не пустить врага на высоту, — такова была задача зенитчиков.

На батарее оставалось 42 человека. Это были простые советские люди различных национальностей, в большинстве своем призванные из запаса. Воробьев, Стрельцов, Донюшкин, Квасов и многие другие — русские. Помощник

командира батареи Шимон Меженицкий — еврей, до мобилизации он был инженером по котлостроению. Старшина батареи украинец Антон Шкода был до 22 июня председателем богатого колхоза в Днепропетровской области. Командир первого орудия Степан Данич, тоже украинец, — колхозным бригадиром. Цыган краснофлотец Коржев — рабочий в кожевенной промышленности. Этим сорока двум краснофлотцам и командирам предстоял бой с тысячей немцев, поддержанных пятью танками и большим количеством артиллерии. Но у немцев была грабительская «идея», а зенитчики защищали свою родную советскую землю, вели справедливую войну.

Таково было соотношение сил вокруг холма, занимаемого батареей, накануне нового, 1942, года.

Немцы собрались встречать новый год в Севастополе. Офицеры обещали завшивевшим солдатам горячие бани, вкусные обеды, сон в тепле и новогоднее гулянье в многочисленных клубах и ресторанах города. Они обещали отдать им на разграбление магазины и богатые квартиры севастопольцев. После занятия города каждому немецкому солдату обещан был также месячный отпуск и поездка с награбленным добром домой, к жене и деткам. Роты пропагандистов усиленно подогревали воров-

ской зуд среди солдат фашистской армии. Отсюда понятен бешеный натиск немцев.

Что получили немцы в новый год под Севастополем, мы увидим ниже, а пока грабители храбрились перед атакой, вливая себе внутрь усиленные порции спиртного.

Ночью командир батареи Воробьев и комиссар Донюшкин обходили боевые посты. Шел мокрый снежок. У пушек, зорко всматриваясь в темноту, стояли краснофлотцы. За горой слышны были шум голосов, рокот моторов и лязг гусениц.

— Для нас готовят, Николай Андреевич, — заметил комиссар командиру.

— А кому же как не нам, — ответил младший лейтенант Воробьев. — За горой их исходная позиция для атаки. Эх, настильность наших пушек не позволяет, а то можно было бы уже сейчас чесануть по обратным скатам горы.

Командир и комиссар пришли в блиндаж командного пункта. Там было теплее. Разложив на столе карту, командир рассказал комиссару, каков его план обороны высоты.

Пушки простреливали не все секторы наземной ообороны. И там, где артиллерийский огонь был менее действителен, командир решил поставить группы автоматчиков. Помимо этого он намеревался создать центральную группу автоматчиков под командованием стар-

шины батареи Шкоды. Эта группа, состоящая из семи-девяти человек, по мнению командира, должна быть максимально подвижной и появляться в тех местах обороны, где будет создаваться наиболее напряженное положение.

Комиссар одобрил планы командира, и они вместе стали расставлять людей. Это была чрезвычайно трудная задача. На батарее осталось 42 человека. Пополнение обещали утром, но бой может разгореться еще до прихода пополнения. Поэтому каждый человек на счету. Горстку людей, защитников батареи, надо было так расставить, чтобы каждый краснофлотец своим оружием приносил наибольшую пользу общему делу обороны, нанося наибольший урон врагу.

Распределив бойцов по постам, командир и комиссар приказали уложить спать в теплых землянках максимальное количество краснофлотцев. Завтра предстоит суровое испытание и надо беречь силы людей. Легли отдохнуть, не раздеваясь, и командир с комиссаром.

Рано утром принесли кипяток и горячую кашу. Краснофлотцы, наскоро умывшись снегом, позавтракали. Комиссар, посоветовавшись с командиром, решил до начала боя провести короткие партийное и комсомольское собрания. На партийное пошел комиссар, а на комсомольское — командир батареи. Они поставили перед коммунистами и комсомольцами одну зада-

чу — любой ценой отстоять батарею, не пустить немцев на высоту. На собраниях командир и комиссар подчеркнули трудность предстоящего боя против врага, имеющего огромное преимущество в живой силе и в технике, но тут же умело разъяснили, что врага прежде всего бьют, а не считают, что считать лучше всего после боя убитых врагов, что воевать надо не числом, а умением, смелостью и стойкостью в бою. Сила врага большая, но мы имеем огромные преимущества. Мы обороняемся на высоте, очень выгодной в тактическом отношении. У нас действуют еще три пушки с большим количеством боезапаса. Стрелковое оружие тоже не плохое, а патронов можно выпускать неограниченное количество. Мы деремся за правое дело, за родной Севастополь. Отступать нам некуда, за нами город. Если мы отступим, то враг прорвется к Северной стороне и, установив на высоте свои пушки, станет бить прямой наводкой по городу и рейду. Этого допустить нельзя! Коммунисты и комсомольцы, прежде всего, должны сами это четко понимать, довести задачу до каждого краснофлотца и быть примером в бою. Бить врага по-гвардейски, добиваться того, чтобы наша батарея была гвардейской — таков общий тон выступлений командира и комиссара.

Ответы коммунистов и комсомольцев были кратки, но предельно выразительны. В такие

Комиссар батареи политрук **А. Донюшкин** и командир орудия сержант **С. Данич**

минуты люди не умеют и не могут долго говорить.

Младший командир Стрельцов на партийном собрании сказал:

— Товарищ комиссар, мы понимаем свою роль в бою. Клянусь, что драться будем так, как требуют Родина и великий Сталин. Драться будем до последней капли крови. Враг может занять высоту только перешагнув через наши трупы. Но мы постараемся сами превратить в трупы врагов. Снаряды все выпустим, пушек не станет — винтовками, пулеметами и гранатами будем защищать высоту.

На востоке сквозь разрывы туч розовела заря. Немцы открыли по высоте шквальный артиллерийский и минометный огонь. Собрания пришлось прервать, дали сигнал «боевая тревога», и все бойцы заняли свои места.

Бывший колхозный бригадир Степан Данич первым подбежал к орудию. За ним прибежали Панченко, Николаец, Цикалов. Они быстро заняли свои боевые места и стали ждать. Сержант Данич вскинул к глазам бинокль и сквозь предрассветную мглу увидел за пригорком трубы оптического прибора немецкого танка.

— Ого! Це здорово! Раньше по самолетам палили, а сейчас попробуем и по танкам.

Оптический прибор медленно вылезал из-за пригорка, и Данич явственно увидел башню

тяжелого немецкого танка. Танк заметил и краснофлотец Цикалов. Он предупредил командира о том, что на батарею ползет немецкий танк. Данич спокойно сказал:

— Ничего, нехай иде! Я ему всыплю горяченьких.

За танком двигалась немецкая пехота.

Лязгая гусеницами, танк развернулся бортом и сделал первый выстрел. Короткое дуло танковой пушки стало выбрасывать снаряд за снарядом. Немцы видели пушку Данича, и по свисту снарядов, по близким разрывам Степан понял, что танк стреляет именно по нему. Надо было дать сразу же отпор врагу. И Данич приказал наводить по головному танку.

Показались еще два танка.

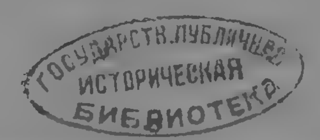
— О, це гарно! Кучно ползут, это нам выгодно, — не выдержал Данич. — Вот гадюка! Погоди ж, погоди!

Немецкие снаряды рвались уже почти рядом с котлованом, осколки визжали над головами бойцов и шлепались в мокрый снег. Длинная пулеметная очередь сразу же вывела из строя двух бойцов орудийного расчета. С глухим стоном опустился на землю Панченко, упал и Николаец. Степан оглянулся на них и спросил:

— Тяжело ранены?

— Тяжело, — ответил Панченко.

— Ползите в командный пункт, там перевяжут... — а сам стал у пушки.

И когда выстрел хлестнул по немецкой пехоте густым снопом шрапнельных пуль и осколков, раненый Панченко, как бы поддерживая морально Степана и оставшегося с ним Цикалова, сказал:

— Бейте, ребята, по немцам крепче, отомстите за нас!

Николаец добавил:

— Эх, сил нету. Я бы тоже им дал...

Раненые поползли к землянке командного пункта, оставляя на снегу след крови.

В крестовине нитей прицельного прибора перед глазами Данича ясно проектировался серогрязный борт танка, короткое рыльце его пушки и трясущиеся пулеметы, извергающие смерть. Выстрел. Пушка рванулась непривычно. Из нее били только по воздушным целям, а сейчас она стреляла ниже горизонта... Данич видел, как на броне танка вырос багровый столб пламени. Но чудовище, непрерывно стреляя, продолжало медленно приближаться к батарее. Второй выстрел, третий, четвертый... Все снаряды по танку. Но танк ползет и ползет. Его броня настолько крепка, что шрапнельные снаряды пушки Данича не пробивали ее и скользили мимо или, взрываясь, только царапали борта тяжелого танка.

— Вот чортова машина! И снаряд ее не берет. Ну и сволочи же, — выругался Степан. Но тут же добавил: — А все-таки я тебя ско-

вырну. А ежели до котлована дотянешь, то бутылку с «каэсом» получишь.

До бутылки дело не дошло. Тщательно прицелившись в основание башни, Степан дал пятый выстрел. Снаряд разорвался точно в том месте, где башня соединяется с корпусом. Сквозь рыжий клуб дыма было ясно видно, как тяжелая башня приподнялась и грузно свалилась в сторону. Танк остановился.

— Что, скушал? — спокойно сказал Данич.

В это время ранило Цикалова. Осколок снаряда прочертил глубокую царапину на лбу бойца. Оттуда сразу же хлынула кровь. Она потекла по лицу краснофлотца, заливая ему глаза. Цикалов выхватил бинт из сумки противогаза, развернул его и наложил марлевую подушечку на глубокую царапину. Но кровь сочилась из-под пальцев, из-под марли, мешая видеть окружающее.

Данич с сожалением подумал, что перевязать Цикалова он не может. Он видел, как вслед за первым выскочили еще два танка и открыли огонь по его пушке. Отвлекаться на перевязку сержант не мог и сказал Цикалову:

— Иди в лазарет, там перевяжут.

Но Цикалов сурово процедил сквозь зубы:

— Товарищ сержант, вы один остаетесь с пушкой, не могу уйти от вас, а сил у меня хватит. Жив еще Цикалов, растакую.. — и

краснофлотец выразительно погрозил кулаком в сторону немцев.

Не отрываясь от прицельной трубки, Данич сказал:

— Ладно, поддерживай тогда меня из винтовки, стреляй, только метко. А голову перевяжи понадежнее, вишь, кровь и сквозь бинт проступает.

Один из танков пытался подползти к подбитой немецкой машине и взять ее на буксир. Но снаряды Данича засверкали вокруг его гусениц, он завертелся на месте и запылал ярким пламенем, роняя черную копоть на снег.

— Горит, горит фашистская гадина! — радостно закричал Цикалов.

— А что же ты ему прикажешь делать, ежели не гореть, — ответил Данич.

Двое уцелевших немецких солдат выскочили из люка и хотели залечь, но помощник командира батареи младший лейтенант Мекеницкий очередью из автомата сразил их обоих.

Черный дымный хвост медленно полз в сторону немцев. Огненный факел был виден за несколько километров. Третий фашистский танк был также разбит метким выстрелом Данича. Поэтому два других, на мгновение высунувшиеся из-за пригорка, трусливо нырну-

ли обратно. Данич вытер вспотевший лоб и сказал:

— А здорово же мы их шарахнули, Цикалов, а?

Побледневший Цикалов ответил:

— А вы, товарищ сержант, оказывается не только метко по самолетам бьете, но и по танкам еще лучше.

У Цикалова болела голова. Свинцовая тяжесть давила на все тело. Надо было уйти. Но как же один Данич управится с пушкой?

«Нет, не уйду, — решил Цикалов. — До последней капли крови буду драться вместе со Степаном. Нельзя уходить с батареи».

У Цикалова исключительно зоркие глаза. Он еще в предрассветных сумерках замечал немцев, ползущих к батарее, и, приложившись к полуавтомату, расстреливал их на выбор. Если замечал группу немецких солдат, то указывал Даничу на цель. Тот наводил пушку, и смертоносная шрапнель рвалась над головами врагов, навеки пригвождая их к земле.

Цикалов так увлекся стрельбой, что забыл уже про боль, про слабость от потери крови, и стал снова шутить, как шутил обычно во время стрельбы по самолетам. Данич тоже повеселел, он радовался за Цикалова: «Раз Цикалов шутит, значит, рана не тяжелая, значит, и мне легче драться вместе с ним. Вдвоем куда веселее работать в котловане».

Цикалов свои пули посылает обязательно «с наставлением». Точно воспроизвести эти «наставления» невозможно, потому что они не всегда печатны, но смысл их таков: «полез на чужую землю, ну и получай по заслугам».

Данич бережет снаряды. Если ползет группа немцев, он бьет из пушки, если единичные солдаты показываются, стреляет из полуавтомата. Вот ползут два немца, оба в белых халатах. Но снег-то грязный, засыпанный комьями земли от разрывов мин и снарядов. Поэтому халат никакой пользы не приносит, даже, наоборот, демаскирует. Оба немца ясно видны на фоне черной воронки. Они залегли и стреляют по батарее. Данич говорит Цикалову:

— Видишь этих двух?

— Точно. Возьмите, товарищ сержант, правого, а я левого стукну.

Два выстрела. Цикалов спрашивает:

— Мой готов, а ваш, товарищ сержант?

— Тоже загнулся.

Два фашистских стрелка остались лежать грязнобелыми кучками на краю воронки.

Так дрался сержант Степан Данич, командир зенитной пушки. Орденом Красного Знамени наградила родина своего верного сына Степана Данича за славные боевые дела.

* * *

Старшине батареи Антону Шкоде командир поручил с группой метких стрелков защищать

Расчет орудия сержанта **С. Данича** (С. Данич — крайний справа)

те участки батареи, куда вследствие крутизны склонов пушки не могли стрелять. Приказано было Шкоде помогать и тем группам бойцов, которые оказывались в наиболее трудном положении. Командир батареи, руководивший боем, в течение дня много раз посылал старшину Шкоду на огневую поддержку бойцов. Шкода появлялся со своими автоматчиками в наиболее трудных местах, где требовался короткий, но быстрый удар по фашистским солдатам, лезущим непосредственно уже на позиции батареи. И там, где появлялся Шкода со своими стрелками, там уже через несколько минут десятки немцев в различных позах валялись на склонах высотки, не дождавшись встречи нового года.

На одном из секторов обороны батареи был крутой скат, не простреливаемый из пушек. Немцы это заметили и стали накапливаться для атаки. Немцев уже собралось свыше роты. Вот-вот они бросятся на штурм.

Командир батареи, узнав об этом, приказал «психическим» огневым шквалом выкурить немцев из этого пока безопасного для них места. Расчет командира был прост: если открыть густой артиллерийский огонь хотя бы через головы немцев, они от страха обязательно шарахнутся в сторону — и попадут под автоматы группы сержанта Шкоды. Так оно и получилось. Пушки дают шквальный шрапнельный

огонь. Снаряды, рвавшиеся со страшным треском и грохотом, по существу были безопасны для немцев, засевших на крутом скате высоты, но их моральное воздействие на врага было настолько сильно, что фашисты не выдержали и шарахнулись в сторону. А там они как раз и попали под меткий огонь Шкоды и его автоматчиков.

Атака сорвалась. Десятки немецких солдат кучками остались лежать на грязном, забрызганном кровью снегу. У немцев, очевидно, создалось впечатление, что высотку защищает целый батальон. Но никакого батальона не было: это Шкода со своими семью автоматчиками появлялся в разных местах батареи, усиливая огонь также небольших группок, состоявших из пяти-семи человек.

Краснофлотцы зенитной батареи раньше не умели воевать в полевых условиях. Они неплохо били по вражеским самолетам, громили на дальней дистанции скопления фашистских войск вне зрительной видимости батареи, а теперь пришлось схватиться с фашистами грудь с грудью, да еще когда на одного нашего бойца приходилось по два десятка немцев.

Суровую школу прошли в этот день краснофлотцы батареи. В бою они учились воевать. И здесь исключительно велика была роль младших командиров. Сержант Шкода так умело расставлял своих стрелков, так быстро

переползал с ними из одного сектора обороны в другой, что куда бы ни сунулся враг, всюду он встречал мощный огонь автоматического оружия Шкоды и его бойцов.

Сержант Шкода был тоже награжден орденом Красного Знамени за отражение второго штурма Севастополя.

* * *

Командир отделения Скирда с небольшой группой бойцов защищал свой сектор обороны в районе третьей пушки. В его руках был обыкновенный полуавтомат. Но прицельный огонь Скирды страшен для немцев. Скирда бьет с исключительным хладнокровием, точностью и меткостью. Это увидели бойцы его отделения, стрелявшие несколько похуже его. Тогда для пользы общего дела бойцы стали набивать обоймы для полуавтомата Скирды, и он вел почти беспрерывный огонь, как из ручного пулемета. Много врагов положил меткий стрелок Скирда, но не уберегся и сам, высунувшись больше, чем следовало, из окопчика. Фашистская пуля тяжело ранила его. Это насторожило бойцов, они стали лучше маскироваться. Фашисты тоже стреляли метко. Вот краснофлотец Гайдук неосторожно высунулся из котлована. Фашистский офицер, близко подползший к котловану, убил Гайдука. Офицер залег и стал выманивать бойцов батареи под

Старший сержант А. Ф. Шкода

огонь своего автомата. Но командир отделения Гончаров сразу же заметил хитрость фашиста, спрятавшегося за низкими кустами, и стал сторожить, когда враг высунется для следующего выстрела. И едва натертая мелом каска с рожками показалась над кустом, как пуля Гончарова пробила каску и голову офицера.

Вражеский автоматчик охотился за командиром батареи. Автоматчик, чтобы не демаскировать себя, не стрелял по краснофлотцам, специально норовя выследить командира и убить его. Но за автоматчиком тоже уже охотился краснофлотец Квасов. Хитер немец — белым халатом прикрывается, пучки травы нацепил себе на голову. Но зорки глаза и комсомольца Квасова. И едва фашистский автоматчик высунулся для выстрела, как пуля Квасова сразила его. Раскинув руки, немец ткнулся лицом в снег.

В этот день отлично дрались все бойцы. Краснофлотец цыган Коржев, веселый плясун и балагур, в этот день уничтожил два десятка немцев. Санитарный инструктор Пономаренко, перевязав раненых и укрыв их одеялами и шинелями, хватал винтовку и бежал в окопчик стрелять по фашистам, пока не подползал к командному пункту следующий раненый. Писарь батареи, младший сержант Кармазин, дрался с исключительным упорством и находчивостью, защищая командный пункт батареи.

Орудийный расчет Стрельцова под огнем врага в упор расстреливал фашистскую пехоту. Командир отделения связи Нагорянский, получив серьезное ранение, продолжал исправлять линию связи батареи с командным пунктом части. Младший лейтенант Шимон Мекеницкий, проявлял себя в бою как волевой, находчивый командир. Но в разгаре боя он был тяжело ранен и унесен в укрытие. Обязанности помощника командира батареи стал выполнять сержант Шкода.

В самых опасных местах, где решался успех боя, появлялся комиссар батареи младший политрук Алексей Ильич Донюшкин. Его автомат беспощадно разил врагов, но у Донюшкина на вооружении был не только автомат, а и правдивое большевистское слово пламенного агитатора нашей партии. Комиссар призывал бойцов драться за родину так, как учит великий Сталин. Спокойное задушевное слово комиссара, сказанное в тяжелую минуту боя, вдохновляло краснофлотцев, будило горячую любовь к своей родине и жгучую ненависть к фашистским захватчикам.

Кончился бой. Восемнадцать атак выдержали зенитчики. Немцы отступали, медленно уползали за бугор их раненые. Командир батареи долго не мог сдержать бойцов, рвавшихся догонять немцев. Один из краснофлотцев просил командира:

— Товарищ младший лейтенант, немец много раз нас атаковал. Неужели не разрешите нам хоть раз его атаковать?

Но командир не разрешил. Он понимал, что оголять батарею нельзя. Враг мог заманить краснофлотцев в ловушку и наброситься на батарею с другой стороны. Командир знал, что уже половина личного состава выбыла из строя. А завтра атаки могут повториться с новой силой. Поэтому он и не пустил бойцов в контратаку, хотя желание атаковать немцев у всех было огромное.

Темнело. В землянке командного поста комиссар батареи Донюшкин открыл консервную банку и предложил командиру покушать.

— Ешь, Николай Андреевич. У тебя же во рту росинки маковой сегодня не было.

Командир усмехнулся и говорит:

— А у тебя? Ты же сам тоже не ел, да и никто из нас не ел. А насчет маковой росинки ты зря, потому что я хотел пить и несколько раз сосал снег, а он, когда растает во рту, то остается там порох. Оказывается, столько мы и немцы выпустили на снег пороху, что снега-то уж чистого не было, и пришлось кушать грязный снег, оставлявший во рту порох. Так что неверно ты, комиссар, говоришь, что у меня во рту маковой росинки не было.

К ночи командир, расставив посты и подго-

товив боезапасы к пушкам, вызвал к себе Степана Данича:

— Ну как, товарищ сержант, повоевал сегодня?

— Да ничего, вроде, товарищ младший лейтенант. Вот только меня гложет думка одна: снарядов многовато я расходовал по танкам. Вы, товарищ командир, извините меня, потому снаряды наши шрапнельные, а танк-то броневой и броня у него толстая. Поэтому и бить его трудно. Я, товарищ командир, на три танка израсходовал девятнадцать снарядов. Боюсь, вы ругать меня будете за это, много ведь, а?

Командиру страшно хотелось расцеловать сержанта Данича, но командир был еще молод и боялся, что такая сентиментальность может повредить делу. Поэтому он только крепко пожал руку сержанту и сказал:

— Хорошо, Данич, дрался. Спасибо тебе за службу. Так и завтра будем драться, если немец полезет на батарею.

И зенитная батарея после такого сурового дня осталась, как и раньше, несокрушимым барьером на подступах к Севастополю.

В этот вечер командир с комиссаром нашли еще время собрать личный состав и подвести итоги боевого дня. Это была система, заведенная еще в дни менее напряженных боев. Командир с комиссаром давно убедились уже, на-

сколько полезно такое подведение итогов боевого дня.

Командир сказал:

— Воевали мы сегодня хорошо, Севастополь защищали грудью. Но завтра, товарищи, может, предстоит день еще тяжелее, потому немец близко, за горой, потому еще от Севастополя-то мы его не прогнали. Отсюда задача — подготовить оружие к бою, пополнить боезапас, быть готовыми к суровым испытаниям. Слышно нам, да и разведчики доносят, — немец резервы подтягивает и танки снова лязгают гусеницами за горой. Возможно, завтра возобновят атаки. Надо быть готовым бить врага еще крепче. Вы сами видели, товарищи бойцы, что враг не так уж страшен и не так храбр. У врага нехватает самого главного — выдержки. Он уже много раз доходил до самой позиции батареи, оставалось врагу броситься в атаку под метким огнем наших автоматов, — но на это надо иметь силу воли, а этого-то как раз недоставало у фашистов, и они откатывались назад. В одном месте, например, я сильно боялся за оборону. Автоматчики-немцы уже влезли в дальномерный котлован. Они ползли туда, как гадюки, накапливаясь для атаки. Двенадцать автоматчиков уже было в котловане. Они простреливали значительный участок орудийного дворика. Но нашлись трое краснофлотцев, я даже пока еще не установил точно — кто, и

бросились в атаку на двенадцать немцев. Те бешено палили, и, возможно, именно они успели убить командира отделения Коржа, но двое оставшихся бойцов забросали котлован гранатами и истребили всех немцев.

Командир на этом примере показал, какое значение имеют упорство и стойкость в бою. Он особенно похвалил командира пушки Степана Данича, старшину батареи Антона Шкоду, командира отделения Стрельцова и многих других славных зенитчиков. С особой теплотой говорили командир и комиссар о погибших в этом бою. Они дрались, как львы — Демченко, Шатоха, Корж и пятеро других. Восемь защитников батареи сложили свои головы за родную землю. Но каждый из них успел убить не менее десятка фашистов.

Командир и комиссар разобрали и некоторые ошибки, допущенные отдельными товарищами в бою. Кое-кто плохо маскировался, зря высовывался на бруствер, подставляя свою голову под огонь врага.

Краткий разбор закончился указанием на завтра и горячей благодарностью за сегодняшний день.

В этот же вечер командир батареи подал заявление о приеме его кандидатом в члены партии. Командир спросил комиссара Донюшкина:

— Алексей Ильич, поручительство прошу

дать мне в партию. Хочу сегодняшний наш боевой день отметить таким вот радостным в моей жизни событием. Хочу драться с врагами, будучи в рядах партии большевиков. Комсомолец я уже, как ты знаешь, старый, пора вступать в партию. Товарищ комиссар, Алексей Ильич, думаю, что заслужил того, чтобы быть в рядах партии. Как ты думаешь, а?

Комиссар обнял Воробьева и сказал:

— Заслужил, Николай. С радостью и гордостью поручусь я за тебя. Глядел я на тебя сегодня в бою, и сердце радовалось.

Этот знаменательный день десять человек отметили подачей заявлений о приеме в ряды большевистской партии. Подали заявление Степан Данич, командиры отделений Кравченко и Нагорянский, краснофлотцы Крылов, Шатоха и ряд других товарищей. Краснофлотец Шатоха не успел вступить в партию, ибо он утром подал заявление, а днем пал смертью храбрых. Но он умер как подлинный большевик, стойко защищая свою родину.

Усталые бойцы спали нервным и напряженным сном. Краснофлотцы были готовы каждую секунду встать, схватиться за оружие и бежать на свой боевой пост. Но этого не потребовалось. Обескровленный враг уже не имел сил для дальнейших атак и откатился на два километра от батареи.

Так и не пришлось фашистам встречать новый год в Севастополе. Лопнули, как мыльный пузырь, обещания офицеров. Правда, следует отметить, что баню получили немцы хорошую, но только без чистого белья и без горячей воды. Получили и отпуск, но не на месяц, а бессрочный — на тот свет. Кое-кому из врагов действительно удалось ночевать в Севастополе, в теплой казарме встретить новый год, но только в качестве пленных, а не победителей.

Утро было спокойным и ясным. Острота боя прошла. Тогда стали считать трупы немцев. Они лежали густо, особенно на тех местах, где по ним били прямой наводкой пушки батареи. Триста человек только убитыми потеряли немцы в этот день на подступах к батарее, то есть в среднем по восемь человек на одного нашего бойца-зенитчика! Свыше ста винтовок, шесть пулеметов, четыре миномета и много другого военного имущества подобрали утром бойцы батареи. Число раненых определить трудно, но приблизительно можно считать вдвое больше, чем убитых. От батальона осталось одно название. Потери же батареи: 8 убитых, 13 раненых.

* * *

В дни третьего штурма Севастополя батарея Героя Советского Союза старшего лейтенанта

Воробьева еще раз показала, на что способны стойкие советские бойцы.

Между вторым и третьим штурмами прошло много времени, насыщенного большими событиями. Полк, куда входит батарея, стал гвардейским, командир батареи Николай Воробьев стал Героем Советского Союза и старшим лейтенантом. Многие бойцы и командиры получили правительственные награды и еще больше окрепли в боях.

Фашистские орудия в начале штурма несколько дней яростно обстреливали позиции батареи Воробьева. Не раз налетали и вражеские самолеты. Многие из них были сбиты, многие подбитыми ушли за линию фронта. Но в эти первые же дни третьего штурма Севастополя командир батареи старший лейтенант Воробьев был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Командиром стал старший лейтенант Пьянзин. Комиссар батареи Донюшкин к этому времени был назначен комиссаром дивизиона, а вместо него пришел на батарею замечательный политработник — старший политрук Уваров. Батарея пополнилась новыми бойцами и младшими командирами. Но основным ядром личного состава были те же проверенные в боях краснофлотцы и командиры, выдержавшие первые два штурма.

Старший сержант Антон Шкода до послед-

него дня оставался также старшиной батареи, младший командир Нагорянский попрежнему командовал отделением связистов, санитарный инструктор Пономаренко еще расторопнее оказывал помощь раненым, а когда было время, то брал винтовку и ложился в окопчик стрелять по врагу. Данич, Скирда, Стрельцов — все они остались на тех же боевых постах.

Эти дни последних боев под Севастополем еще больше насыщены героическими делами его защитников. Вот как было дело на батарее.

Усиленная бомбежка началась еще с 31 мая и продолжалась до 7 июня. 9 и 10 июня немцы пять раз пытались атаковать батарею уже силами до двух батальонов пехоты. Несмотря на то, что в результате бомбежек и артиллерийского обстрела батарейцы понесли некоторые потери, они стойко отбили все атаки врага. Снова, как и в декабре, склоны высотки запестрели убитыми и ранеными фашистами.

9 июня на батарее провели открытое партийное собрание. Ввиду напряженности обстановки некоторые дзоты и орудийные расчеты смогли прислать только по одному делегату. Собрание было по-боевому кратким. Взвешивали каждое слово, стараясь сделать его особенно убедительным. Комиссар батареи т. Уваров прямо и откровенно сказал бойцам о положении дел:

— Родина требует, чтобы мы дрались еще лучше, били немцев еще крепче. Враг бешено рвется к Севастополю, а наша батарея опять стала ему поперек горла. Немцы лезут и будут лезть на нашу высоту еще злее. Врагов много, а нас во много раз меньше. Но мы — русские люди, гвардейцы! Нам нельзя уйти с высоты. Мы можем умереть все в этом бою, но уйти не имеем права. Так требует родина. Поэтому будем драться до последней капли крови, пока сердце бьется в нашей груди. А если доведется погибнуть, так умирать надо с честью, нанося врагу самый большой урон.

Вслед за комиссаром выступили секретарь партийной организации сержант Базовиков, комсомолец Чирва, коммунисты Данич и Стрельцов. Они говорили по-разному, но смысл речей был один: ни шагу назад!

И тут же на собрании вместо решения была принята клятва великому Сталину. На портрете товарища Сталина крупными, четкими буквами было выведено: «Враг рвется к родному городу. Ни шагу назад! Клянемся тебе, Родина, тебе, народ-богатырь, тебе, великий Сталин, лечь костьми на поле брани, но не посрамить знамя Советов».

Участники собрания все подписались под клятвой. А секретарь комсомольской организации краснофлотец Чирва под огнем врага обошел все боевые посты и дал подписаться

под клятвой всем краснофлотцам и командирам. Оставив на минуту винтовку, каждый краснофлотец, медленно читая текст клятвы, долго вглядывался в черты самого дорогого человека и подписывался под документом, имеющим такую удивительную силу. И тогда краснофлотец Чирва, бережно зажав в руке текст клятвы, полз дальше в следующие дзоты, на дальние выносные наблюдательные посты, в котлованы орудийных расчетов...

Не добившись цели, враги повторили обстрел батареи. Два дня, 11 и 12 июня, фашисты били по батарее артиллерийским и минометным огнем. Снова сотни снарядов и мин обрушились на защитников батареи. Огонь был настолько плотным, что на некоторые периоды командир батареи снимал людей от пушек и прятал в блиндажах. Пушки засыпало землей, разбивало прицельные приборы. Но когда после такой бешеной бомбардировки немцы опять бросили на батарею свои банды, их снова встретил сокрушительный огонь славных зенитчиков.

Вечером 12 июня на батарею прибыл комиссар дивизиона Донюшкин. Он помог комиссару батареи Уварову провести партийное и комсомольское собрания. На собраниях бойцы впервые узнали о приветственной телеграмме товарища Сталина защитникам Севастополя. Это еще выше подняло боевой дух. Высокая

оценка, данная великим человеком, вдохновила людей на новые подвиги. Все выступления на собраниях были проникнуты одной мыслью — гвардейцы не отступают, ни шагу назад! Бить врага еще крепче, чем били в декабре и в первые два дня июньского штурма. Коммунисты и комсомольцы еще раз поклялись именем родного Сталина, что будут драться мужественно и умело, не щадя своих сил и самой жизни.

«Клянемся тебе, родной товарищ Сталин, — отвечали батарейцы на приветствие вождя, — что ты можешь быть уверен в защитниках Севастополя. Родину свою будем защищать до последней капли крови! Смерть или победа! С врагом будем драться так, как учишь нас ты, как дерутся с ним большевики! Нас воспитала партия, которую ты создал вместе с Лениным. За эту партию, за нашу мать-Родину, за тебя, наш отец и вождь, за счастье нашего народа не пожалеем своих жизней, ибо что нам жизнь, если Родина будет в неволе у фашистских извергов!..

Нет, рабами мы не будем!

Клянемся тебе, товарищ Сталин, что свой воинский долг севастопольцы выполнят с достоинством и честью!»

Так клялись защитники этой батареи и многих других частей. Полного текста второй клятвы батарейцев, к сожалению, не сохранилось.

Ночью среди защитников батареи нашелся предатель. Гулом возмущения ответили все боевые посты, когда узнали о попытке одного предателя сдаться в плен врагу:

— Смерть ему! Он опозорил славное имя батареи. Смерть ему! — так в гневе и ярости кричали бойцы в ответ на сообщение комиссара о позорном поступке предателя Ерилева.

Воля бойцов была выполнена точно — предателя расстреляли здесь же, на орудийном дворике батареи, а труп выбросили в сторону немцев: собаке и путь собачий.

Донюшкин и Уваров перед рассветом обошли все боевые посты. Люди тихо разговаривали в окопах, в орудийных котлованах и дзотах. Некоторые спали. За холмом лязгали гусеницы танков и тягачей. В короткие перерывы между очередями автоматов слышался шум многих сотен ног. Враг готовился к штурму гвардейской батареи. Готовились к упорной битве и защитники батареи. Они понимали, что этот штурм, очевидно, будет последним для многих из них. Но лица были спокойны и строги. Главным было желание не сдавать Севастополя. А уж если враг одолеет, то надо умереть в бою с честью, как умирали тысячи русских людей за свою родную землю.

Тяжело раненных командир батареи старший лейтенант Пьянзин отправил в госпиталь. Легко раненные отказались итти в тыл, едино-

душно заявив комиссару: «Пока руки способны стрелять, будем драться вместе с вами».

На рассвете 13 июня показалась волна белесого дыма. Бойцы надели противогазы. После выяснилось, что это была дымовая завеса. Немцы силой свыше батальона при поддержке танков пошли в атаку на батарею. Танки подошли почти вплотную. Они в упор били по оставшимся пушкам, не давая возможности орудийным расчетам работать около орудий. Несколько танков бойцы успели поджечь. Но вот вышла из строя последняя пушка. Батарейцы заняли окопы, блиндажи и стали драться ручным оружием. Но и вооруженных только ручным оружием долго не могли победить немцы. Из оставшегося последнего миномета защитники батареи продолжали в упор бить по фашистам. Кончился боезапас, а доставить его к ровику, где стоит миномет, почти невозможно. Командир отделения Нагорянский нашелся и здесь. Он взял длинную веревку, перебросил ее через открытое место, простреливаемое немецкими автоматчиками, и крикнул бойцам, работавшим у погреба, чтобы они привязывали ящики с минами и выталкивали их на ровное место. Таким способом было перетащено через простреливаемое место двенадцать ящиков мин.

Во время второго штурма Севастополя младший командир Нагорянский подал заявление о вступлении в кандидаты партии. На собрании

он сказал, что и впредь будет драться с врагом так, как подобает большевику. И в этом бою он действительно дрался, как большевик, верный сын родины. Когда минный боезапас был весь расстрелян и миномет уже был бесполезен, Нагорянский с полуавтоматом залег в блиндаже и продолжал драться до последнего патрона. Он погиб, как герой, уничтожив в этом бою более десятка врагов.

Командир отделения подачи сержант Гончаров, лишившись своей пушки, взял полуавтомат и гранаты и залег в окоп. Ему была поручена оборона небольшого сектора. С горсткой бойцов Гончаров держал этот сектор до последней минуты своей жизни. Он лично истребил свыше тридцати фашистов только за последние два дня боя.

Санитарный инструктор Пономаренко перевязывал раненых и по возможности отправлял их в тыл. Но в день последнего штурма тыла у батареи уже не было. Она была окружена, и раненые, с бинтами, пропитанными кровью, ползли к окопам и стреляли до тех пор, пока новая пуля не обрывала их жизни. Отступать было некуда, отступать было нельзя. Это понимал каждый и старался как можно дороже отдать свою жизнь, истребив возможно больше фашистов.

Вот выскочил на бруствер сержант Базовиков. Ему неудобно стрелять из дзота, мешает

насыпь. И сержант в упор бьет из автомата по фашистам. Немцы шарахаются в сторону от смертоносной струи пуль. Но танкисты из щели замаскированного танка длинной очередью убивают Базовикова. Пал смертью храбрых секретарь партийной организации батареи гвардии сержант Базовиков. Вслед за ним геройски погиб и секретарь комсомольской организации гвардии краснофлотец Чирва. С каждым часом тают защитники батареи. Убиты Данич, Стрельцов, Уваров, ранен командир батареи гвардии старший лейтенант Пьянзин.

Когда немцы ворвались на позицию батареи, влезли уже на орудийный дворик, зенитчики стали драться за отдельные огневые точки. Дольше всех держался дзот, где с группой автоматчиков засел старший сержант Антон Шкода. У Шкоды было тринадцать бойцов. Свыше часа они держались в ходах сообщения и в окопчике, что рядом с дзотом. Гранаты зенитчиков делали страшные опустошения в группах немцев, подползших уже совсем близко к окопам. Враги боялись сразу броситься в атаку, а пытались перебить защитников батареи из-за прикрытия. Это стоило фашистам огромных потерь.

Но вот брошены последние гранаты, и Шкода стягивает своих бойцов в дзот. Тогда немцы попытались броситься в атаку, но были скошены огнем пулемета и автоматов. И вот

началась осада дзота с применением противотанковых гранат, дымовых и толовых шашек. Пять часов держались в дзоте старший сержант Шкода и его бойцы. Пять часов медленно таяла горстка бойцов. И когда немцы ворвались в дзот, они нашли там десять убитых, двух тяжело раненных бойцов и одного контуженного, полузасыпанного землей. Дорого досталась немцам эта победа над группой старшего сержанта Шкоды. Только за последний день боя каждый из бойцов группы истребил до двух десятков немцев. Больше всех перебил сам Антон — простой и милый человек, бывший до войны председателем колхоза имени 14-летия Октября в Ново-Московском районе Днепропетровской области.

На командном пункте долго держалась группа краснофлотцев во главе с младшим политруком Маленко. Немцы десятки раз подползали к командному пункту, забрасывали его гранатами, предлагали сдаться, обещали сохранить жизнь, но бойцы на гнусные предложения врага отвечали меткой пулей или гранатой. Тогда немцы попытались выкурить бойцов дымовыми шашками. Задыхаясь в горьком дыму, израненные осколками гранат мужественные защитники командного пункта взорвали себя, но не сдались врагу.

Когда немцы подползли к одному орудийному котловану на десять метров и офицер, за-

махнувшись гранатой, крикнул: «Рус, сдавайся!» — краснофлотец Черненко ответил: «Получай, гад, пулю!»—и в упор застрелил офицера. Черненко был последним из орудийного расчета, он успел бросить по врагам еще три гранаты, а когда уже больше не было гранат и патронов, он, подпустив немцев поближе, с винтовкой наперевес бросился на них и упал, сраженный очередями нескольких автоматов. Черненко погиб героем, но и его смерть дорого досталась врагу. От метких выстрелов Черненко, от его гранат погибло тоже несколько десятков немцев.

Долго держались отдельные огневые точки, не сдаваясь врагу. У дзотов, на орудийном дворике густо лежали фашистские трупы, но живые враги, как тараканы, все лезли и лезли, заполняя огневую позицию батареи, накапливаясь в воронках и окопах.

Штаб ПВО получил радиограмму оставшихся в живых защитников батареи: «Отбиваться нечем. Личный состав почти весь выбыл из строя. Просим открыть массированный шрапнельный огонь по нашей позиции, по нашему командному пункту». Так просил командование тяжело раненный командир батареи старший лейтенант Пьянзин. Он лично уничтожил десятки врагов, подбил из противотанкового ружья танк.

Четыре соседние батареи обрушили огонь своих орудий по холму, по целям, указанным гвардейцами. Немцев как ветром сдуло с вершины батареи. Еще больше стало немецких трупов на склонах высоты. Рано еще было праздновать врагам победу! Да и можно ли назвать победой захват героической батареи?..

После орудийного шквала, когда последние немецкие танки, направленные на штурм высоты, были сожжены, а пехота, разгромленная снарядами наших батарей, вынуждена была очистить высоту, вышли из полуразрушенных дзотов несколько раненых краснофлотцев и медленно поползли к нашим позициям. Они ползли долго, обессилев от потери крови. Уже стало совсем темно, когда они добрались до Северной стороны и рассказали командованию дивизиона о последних минутах героической батареи. Они поведали о том, как немцы, ворвавшись на батарею, расстреливали раненых, резали их ножами, топтали подковами солдатских сапог, как надругались над трупами павших моряков.

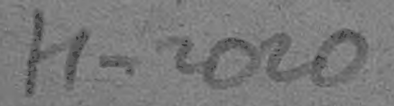
В числе немногих раненых, выползших из окружения, был краснофлотец Петр Липовенко, ныне Герой Советского Союза. Он еще не залечил ран, но дрался уже в другом месте, в Северном укреплении, где успел уничтожить еще десятка два немцев, мстя за товарищей, оставшихся на героической батарее.

По самым скромным подсчетам, немцы потеряли в третьем штурме высоты, занимаемой батареей, свыше 500 человек только убитыми, а раненых было втрое больше.

Так дрались гвардейцы героической зенитной батареи командиров Героев Советского Союза Воробьева и Пьянзина. Почти все защитники батареи погибли смртью храбрых. Они стояли на-смерть. Погибая, они заботились только об одном — еще сильнее нанести удар по врагу, еще больше истребить фашистских псов, рвущихся к Севастополю.

У гвардейцев этой зенитной батареи надо учиться стойкости и мужеству в бою. Здесь трудно выделить отдельных героев, ибо героизм был массовым. Он вошел в плоть и кровь защитников батареи, с честью выполнивших клятву великому Сталину.

Пройдут года. Мы восстановим разрушенный Севастополь. И на высоте за Братским кладбищем воздвигнем величественный монумент в память о славных гвардейцах зенитной батареи, стоявших на-смерть и выполнивших боевой приказ — ни шагу назад! Поэты сложат песни и баллады о героических моряках-гвардейцах, обессмертивших свои имена. И пойдет широко по родной стране слава о людях гвардейской зенитной батареи, защищавшей Севастополь.

45 коп.